

М. Горький

Жизнь Клима Самгина

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
Г71

Г71 **Горький М.**
Жизнь Клим Самгина: Часть 3 / М. Горький – М.: Книга по Требованию, 2021. – 246 с.

ISBN 978-5-4241-1424-3

В новом романе своем М. Горький поставил пред собою задачу изобразить с возможной полнотою сорок лет жизни России, от 80-х годов до 1918-го. Роман должен иметь характер хроники, которая отметит все наиболее крупные события этих лет, особенно же годы царствования Николая Второго. Действие романа - в Москве, Петербурге и провинции, в романе действуют представители всех классов. Автор предполагает дать ряд характеров русских революционеров, сектантов, людей деклассированных и т. д.

В центре романа - фигура «революционера поневоле», из страха пред неизбежной революцией - фигура человека, который чувствует себя «жертвой истории». Эту фигуру автор считает типичной. В романе много женщин, ряд маленьких личных драм, картины ходынской катастрофы, 9-е января 1905 г. в Петербурге, Московское восстание и т. д. вплоть до наступления на Петербург ген. Юденича. Автор вводит в ряд эпизодически действующих лиц: царя Николая II-го, Савву Морозова, некоторых художников, литераторов, что, по его мнению, и придает роману отчасти характер хроники.

ISBN 978-5-4241-1424-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М. Горький, 2021

Максим Горький

Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)

Повесть

Часть третья

Дома, по комнатам тяжело носила изработанное тело свое Анфимьевна.

– Схоронили? Ну вот, – неопределенно проворчала она, исчезая в спальне, и оттуда Самгин услышал бесцветный голос старухи: – Не знаю, что делать с Егором: пьет и пьет. Царскую фамилию жалеет, – выпустила вожжи из рук.

Самгин попросил чаю и, закрыв дверь кабинета, прислушался, – за окном топали и шаркали шаги людей. Этот непрерывный шум создавал впечатление работы какой-то машины, она выравнивала мостовую, постукивала в стены дома, как будто расширяя улицу. Фонарь против дома был разбит, не горел, – казалось, что дом отодвинулся с того места, где стоял.

«Свершилось, – думал Самгин, закрыв глаза и видя слово это написанным как заголовок будущей статьи; слово даже заканчивалось знаком восклицания, но он стоял криво и был похож на знак вопроса. – В данном случае похороны как бы знаменуют воскресение нормальной жизни».

Думалось лениво и неутешительно, мешали Митрофанов, Лютов, мешало воспоминание о Никоновой.

«Неужели она донесла на Митрофанова?»

Затем он вспомнил, как неудобно было лежать в постели рядом с нею, – она занимала слишком много места, а кровать узкая. И потом эта ее манера бережно укладывать груди в лиф...

Несколько часов ходьбы по улицам дали себя знать, – Самгин уже спал, когда Анфимьевна принесла стакан чаю. Его разбудила Варвара, дергая за руку с такой силой, точно желала сбросить на пол.

– Проснись же! Ты слышишь? Около университета стреляли...

Она была в шубке, от нее несло холодом и духами, капельки талого снега блестели на шубе; хватая себя рукою за горло, она кричала:

– Ужас! Масса убитых! Мальчика...

– Мальчика? – повторил Самгин. – А может быть...

– Что – может быть? А, чорт!

Ей, наконец, удалось расстегнуть какой-то крючок, и, сбросив холодную шубку на колени Клима, срывая с головы шляпку, она забегала по комнате, истерически выкрикивая:

– И вообще – решено расстреливать. Эти похороны! В самом деле, – сам подумай, – ведь не во Франции мы живем! Разве можно устраивать такие демонстрации!

В столовой голос Кумова произнес:

– Какое... безумие!

– Кто стрелял? – недоверчиво спросил Самгин.

– Из манежа. Войска. Стратонов – прав: дорого заплатят евреи за эти похороны! Но – я ничего не понимаю! – крикнула она, взмахнув шляпкой. – Разрешили, потом – стреляют! Что это значит? Что ты молчишь?

И она убежала, избавив Клина от обязанности говорить.

«Наверное, преувеличено», – соображал он, сидя и вслушиваясь в отрывистые выкрики жены:

– Да, да... ужас!

Шаги людей на улице стали как будто быстрее. Самгин угнетенно вышел в столовую, – и с этой минуты жизнь его надолго превратилась в сплошной кошмар. На него наткнулся Кумов; мигая и приглаживая красными ладонями волосы, он встряхивал головой, а волосы рассыпались снова, падая ему на щеки.

– Без-зумие, – сквозь зубы сказал он, отходя к телефону, снял трубку и приставил ее к щеке, ниже уха.

– Телефон же не работает! – крикнула Варвара.

– Я не верю, не верю, что Петербургом снова командует Германия, как это было после Первого марта при Александре Третьем, – бормотал Кумов, глядя на трубку.

– Никуда я вас не пушу, Кумов! Почему вы думаете, что он тоже пошел по Никитской? И ведь не всех, кто шел по Никитской...

В столовую птицей влетела Любаша Сомова; за нею по полу тащился плед; почти падая, она, как слепая, наткнулась на стол и, задыхаясь, пристукивая кулаком, невероятно быстро заговорила:

– Туробоев убит... ранен, в больнице, на Страстном. Необходимо защищаться – как же иначе? Надо устраивать санитарные пункты! Много раненых, убитых. Послушайте, – вы тоже должны санитарный пункт! Конечно, будет восстание... Эсеры на Прохоровской мануфактуре...

Варвара грубо и даже как будто озлобленно перебивала ее вопросами. Вошла Анфимьевна и молча начала раздевать Любашу, а та вырывалась из ее рук, вскрикивая:

– Оставьте! Я сейчас уйду... Ах, боже мой, да оставьте же...

– Никаких пунктов! – горячо шепнула Варвара в ухо мужа. – Ни за что! Я – не могу, не допущу...

Подпрыгивая, точно стараясь вскочить на стол, Любаша торопливо кричала:

– Гогины уже организуют пункт, и надо просить Лютова, Клима! У него – пустой дом. И там такой участок, там – необходимо! Иди к нему, Клима. Иди сейчас же...

– Да, да, иди, Клима, – убедительно повторила Варвара, под сердитый крик Сомовой:

– Отдайте мне кофту и плед!

– Ну – куда, куда ты пойдешь? – говорила Анфимьевна, почему-то басом, но Любаша, стукнув по столу кулаком, похожим на булку «розан», крикнула на нее:

– Вы ничего не понимаете! Вы... рыба! За Алексеем Гогиним гнались какие-то... стреляли...

Анфимьевна увела Любашу, Варвара снова зашептала мужу:

– Ты иди, уговори Лютова, он человек с положением, а у нас – нет, благодарю!

Самгин пошел одеваться, не потому, что считал нужными санитарные пункты, но для того, чтоб уйти из дома, собраться с мыслями. Он чувствовал себя ошеломленным, обманутым и не хотел верить в то, что слышал. Но, видимо, все-таки случилось что-то безобразное и как бы направленное лично против него.

«Надобно защищаться. Будет восстание, – выйдя на улицу, мысленно повторял

он крики Любаши. – Идиотка».

Но, обругав Сомову, подумал, что эти узкие, кривые улицы должны быть удобны для баррикад. И вслед за этим неприятно вспомнилось, как 8 октября рабочие осматривали город глазами чужих людей, а затем вдруг почувствовал, что огромный, хаотический город этот – чужой и ему – не та Москва, какую она была за несколько часов до этого часа. На нее обрушилась холодная темнота и, затиснув людей в домики, в дома, погасила все огни на улицах, в окнах. Лишь очень редко, за плюшевыми наростами инея на стеклах окон, нищенски жалобно мерцали желтые пятна. Во тьме играла, сеялась остренькая, колючая пыль. Город стал не реален, как не реально все во тьме, кроме самой тьмы.

И, как всякий человек в темноте, Самгин с неприятной остротой ощущал свою реальность. Люди шли очень быстро, небольшими группами, и, должно быть, одни из них знали, куда они идут, другие шли, как заплутавшиеся, – уже раза два Самгин заметил, что, свернув за угол в переулок, они тотчас возвращались назад. Он тоже невольно следовал их примеру. Его обогнала небольшая группа, человек пять; один из них курил, папираса вспыхивала часто, как бы в такт шагам; женский голос спросил тоном обиды:

– Господа, – неужели это серьезно? – И крикнул: – Да бросьте папиросу!

Вздвогнув, Самгин подумал, что Москва в эту ночь страшнее Петербурга, каким тот был ночью на 10 января. Он стал напряженно вслушиваться, ожидая поймать памятные щелчки ружейных выстрелов. Но слух ловил какие-то удары, точно хлопали ворота или Двери, ловил вдали непонятное потрескивание, – так трещит дерево, разрываемое морозом. Иногда казалось, что ходят по железной крыше, иногда что-то скрипело и падало, как будто вдруг обрушился забор. Плутая в петлях улиц и переулков, во тьме, которая шелушилась все обильнее, Самгин подумал, что видеть Лютова будет очень неприятно, и окончательно решил: санитарные пункты – детская выдумка.

«В сущности, я необдуманно вышел из дома, – размышлял он, замедлив шаг. – Эта стрельба, наверное, – недоразумение».

Но он, вспомнив, что ему хотелось думать о преступлении 9 января тоже как о недоразумении, оттолкнул догадки о происшедшем сегодня и решил вернуться домой. Алина, конечно, знает, идти к ней нет смысла. Туробоев так и должен был кончить. В сущности, он авантюрист. Такие кончают самоубийством или тюрьмой за уголовщину. Обломок разрушенного сословия. Возможно, что Алина все еще любит его. Кто-то сказал, что женщина всю жизнь любит первого мужчину, но – памятью, а не плотью. Он повернул за угол в переулок; через несколько шагов его окликнули:

– Кто идет?

Перед ним встал высокий человек, зажег спичку и, осветив его лицо, строго спросил:

– Живете в этом переулке?

– Нет.

– Здесь проход закрыт.

Самгин не спросил – почему. В глубине переулка, побрякивая и негромко переговариваясь, возились люди, тащили по земле что-то тяжелое.

«Конечно, студенты. Мальчишки», – подумал он, натужно усмехаясь и быстро шагая прочь от человека в длинном пальто и в сибирской папахе на го-

лове. Холодная темнота, сжимая тело, вызвала вялость, сонливость. Одолевали мелкие мысли, – мозг тоже как будто шелушился ими. Самгин невольно подумал, что почти всегда в дни крупных событий он отдавался во власть именно маленьких мыслей, во власть деталей; они кружились над основным впечатлением, точно искры над пеплом костра.

«Это – свойство художника, – подумал он, приподняв воротник пальто, засунул руки глубоко в карманы и пошел тише. – Художники, наверное, думают так в своих поисках наиболее характерного в главном. А возможно, что это – своеобразное выражение чувства самозащиты от разрушительных ударов бессмыслицы».

Он повернул за угол, в свою улицу, и почти наткнулся на небольшую группу людей. Они стеснились между двумя палисадниками, и один из них говорил, негромко, быстро:

– Веру – царя – отечество...

Три слова он произнес, как одно. Самгин видел только спины и затылки людей; ускорив шаг, он быстро миновал их, но все-таки его настигли торопливые и очень внятные в морозной тишине слова:

– Забастовщики подкуплены жидами, это – дело ясное, и вот хоронили они – кого? А – как хоронили? Эдак-то в прошлом году генерала Келлера не хоронили, а – герой был!

«Тоже – «объясняющий господин», – подумал Клим, быстро подходя к двери своего дома и оглядываясь. Когда он в столовой зажег свечу, то увидел жену: она, одетая, спала на кушетке в гостиной, оскалив зубы, держась одной рукой за грудь, а другою за голову.

– Лютов был, – сказала она, проснувшись и морщась. – Просил тебя прийти в больницу. Там Алина с ума сходит. Боже мой, – как у меня голова болит! И какая все это... дрянь! – вдруг взвизгнула она, топнув ногою. – И еще – ты! Ходишь ночью... Бог знает где, когда тут... Ты уже не студент...

Нервно расстегивая кофту, она ушла, захватив свечу.

– Ты забыла, что ушел я с твоего соизволения, – сказал он вслед ей и подумал: «Растрепана, как...»

Позорное для женщины слово он проглотил и, в темноте, сел на теплый диван, закурил, прислушался к тишине. Снова и уже с болезненной остротой он чувствовал себя обманутым, одиноким и осужденным думать обо всем.

«Это и есть – моя функция? – спросил он себя. – По Ламарку – функция создает орган. Органом какой функции является человек, если от него отнять инстинкт пола? Толстой прав, ненавидя разум».

Папироса погасла. Спички пропали куда-то. Он лениво искал их, не нашел и стал снимать ботинки, решив, что не пойдет в спальню: Варвара, наверное, еще не уснула, а слушать ее глупости противно. Держа ботинок в руке, он вспомнил, что вот так же на этом месте сидел Кутузов.

«Конечно, он теперь где-нибудь разжигает страсти...» Тут Самгин вдруг почувствовал, что в нем точно нарыв лопнул и по всему телу разлились холодные струйки злобы.

«И прав! – мысленно закричал он. – Пускай вспыхнут страсти, пусть все полетит к чорту, все эти домики, квартирки, начиненные заботниками о народе, начетчиками, критиками, аналитиками...»

– Почему ты не ложишься спать? – строго спросила Варвара, появляясь в дверях со свечой в руке и глядя на него из-под ладони. – Иди, пожалуйста! Стыдно сознаться, но я боюсь! Этот мальчик... Сын доктора какого-то... Он так стонал...

В ночной длинной рубашке, в чепчике и туфлях, она была похожа на карикатуру Буша.

– Странно ты ведешь себя, – сказала она, подходя к постели. – Ведь я знаю – все это не может нравиться тебе, а ты...

– Молчи! – вполголоса крикнул он, но так, что она отшатнулась. – Не смей говорить – знаю! – продолжал он, сбрасывая с себя платье. Он первый раз кричал на жену, и этот бунт был ему приятен.

– Ты с ума сошел, – пробормотала Варвара, и он видел, что подсвечник в руке ее дрожит и что она, шаркая туфлями, все дальше отодвигается от него.

– Что ты знаешь? Может быть, завтра начнется резня, погромы...

Варвара как-то тяжело, неумело улеглась спиной к нему; он погасил свечу и тоже лег, ожидая, что еще скажет она, и готовясь наговорить ей очень много обидной правды. В темноте под потолком медленно вращались какие-то дымные пятна, круги. Ждать пришлось долго, прежде чем в тишине прозвучали тихие слова:

– Не понимаю, почему нужно злиться на меня? Ведь не я делаю революции...

Он ждал каких-то других слов. Эти были слишком глупы, чтобы отвечать на них, и, закутав голову одеялом, он тоже повернулся спиной к жене.

«Кричать на нее бесполезно. И глупо. Крикнуть надобно на кого-то другого. Может быть, даже на себя».

Но – себя жалко было, а мысли принимали бредовой характер. Варвара, кажется, плакала, все сморкалась, мешая заснуть.

«Вероятно, ненавидит меня. Но я сам, кажется, скоро тоже возненавижу себя». И от этой мысли жалость его к себе возросла.

Заснул он под утро, а когда проснулся и вспомнил сцену с женой, быстро привел себя в порядок и, выпив чаю, поспешил уйти от неизбежного объяснения.

«Москва опустила руки», – подумал он, шагая по бульварам странно притихшего города. Полдень, а людей на улицах немного и все больше мелкие обыватели; озабоченные, угрюмые, небольшими группами они стояли у ворот, куда-то шли, тоже по трое, по пяти и более. Студентов было не заметно, одинокие прохожие – редки, не видно ни извозчиков, ни полиции, но всюду торчали и мелькали мальчишки, ожидая чего-то.

Вход в переулок, куда вчера не пустили Самгина, был загроможден телегой без колес, ящиками, матрацем, газетным киоском и полотнищем ворот. Перед этим сооружением на бочке из-под цемента сидел рыжебородый человек, с папиросой в зубах; между колен у него торчало ружье, и одет он был так, точно собрался на охоту. За баррикадой возились трое людей: один прикреплял проволокой к телеге толстую доску, двое таскали со двора кирпичи. Все это вызвало у Самгина впечатление озорной обывательской забавы.

В приемной Петровской больницы на Клима жадно бросился Лютов, растрепанный, измятый, с воспаленными глазами, в бурых пятнах на изломанном гримасах лице.

– Ух, как я тебя ждал! – зашипел он, схватив Самгина, и увлек его в коридор,

поставил в нишу окна. – Ну, он – помер, в одиннадцать тридцать семь. Две пули, обе – в живот. Маялся. Вот что, брат, – налезая на Самгина, говоря прямо в лицо ему, продолжал он осипшим голосом: – тут – Алина взвилась, хочет хоронить его обязательно на Введенском кладбище, ну – чепуха же! Ведь это – чорт знает где, Введенское! И вообще какие тут похороны? Поп отказался провожать. Иди-от. «Тут, говорит, убийство, уголовное преступление». – «Как, говорю, преступление? Солдаты стреляли не по своей охоте, а, разумеется, по команде начальства, значит, это – убийство в состоянии самозащиты войск пробив свирепых гимназистов!» Лютов захлебнулся словами, закашлялся и потом, упираясь ладонью в плечо Самгина, продолжал:

– Ты, брат, попробуй, отговори ее от этой церемонии, – а?

У него дрожали ноги, он все как-то приседал, покачивался. Самгин слушал его молча, догадываясь – чем ушиблен этот человек? Отодвинув Клима плечом, Лютов прислонился к стене на его место, широко развел руки:

– Какая штука началась, а? Вот те и хи-хи! Я ведь шел с ним, да меня у Долгоруковского переулочка остановил один эсер, и вдруг – трах! трах! Сукины дети! Даже не подошли взглянуть – кого перебили, много ли? Выстрелили и спрятались в манеж. Так ты, Самгин, уговори! Я не могу! Это, брат, для меня – неожиданно... непонятно! Я думал, у нее – для души – Макаров... Идет! – шепнул он и отодвинулся подальше в угол.

Издали по коридору медленно плыла Алина. В расстегнутой шубке, с шалью на плечах, ко встрепанной прической, она казалась неестественно большой. Когда она подошла, Самгин почувствовал, что уговаривать ее бесполезно: лицо у нее было окостеневшее, глаза провалились в темные глазницы, а зрачки как будто кипели, сверкая бешенством.

– Ну во г, хоть один умный человек нашелся, – сквозь зубы, низким голосом заговорила она. – Ты, Клим, проводишь меня на кладбище. А ты, Лютов, не ходи! Клим и Макаров пойдут. – Слышишь?

Лютов дернул себя за бородку, и голова его покорно наклонилась.

– Я наняла каких-то шестерых, они и понесут гроб, – продолжала она и вдруг, топнув ногою, сказала басовито: – Ни одного цветка нигде, сволочи!..

Она пошла дальше, а Лютов, укоризненно мотая головой, прошептал:

– Что же ты, Самгин? Эх, брат... Ну, разве можно ее пустить... Эх!

И, ступая на носки сапог, он пошел вслед за Алиной.

«В какие глупые положения попадаю», – подумал Самгин, оглядываясь. Бесшумно отворялись двери, торопливо бегали белые фигуры сиделок, от стены исходил запах лекарств, в стекла окна торкался ветер. В коридор вышел из палаты Макаров, развязывая на ходу завязки халата, взглянул на Клима, задумчиво спросил:

– Ты?

И, взяв его под руку, привел в темную комнатку, с одним окном, со множеством стеклянной посуды на полках и в шкафах.

– Кури, здесь можно, – сказал он, снимая халат. – Мужественно помер, без жалоб, хотя раны в живот – мучительны.

Присев на угол стола, он усмехнулся:

– Говорит мне: «Я был бы доволен, если б знал, что умираю честно». Это – как из английского романа. Что значит – честно умереть? Все умирают – честно,

а вот живут...

Самгин курил, слушал и размышлял: почему этот преждевременно поседевший человек как-то особенно неприятен ему?

– Что же, Самгин, революция у нас? – спросил Макаров, сдвинув брови, глядя на дымный кончик своей папиросы.

– Очевидно.

– Ты – рад?

– Революция – это трагедия, – не сразу ответил Клим.

– Ты не ответил.

– Трагедии не радуют.

– Ты – большевик?

– Конечно – нет, – ответил Клим и тотчас же подумал, что слишком торопливо ответил.

– Значит – не революционер, – сказал Макаров тихо, но очень просто и уверенно. Он вообще держался и говорил по-новому, незнакомо Самгину и этим возбуждал какое-то опасение, заставлял насторожиться.

– Революционеры – это большевики, – сказал Макаров все так же просто. – Они бьют прямо: лбом в стену. Вероятно – так и надо, но я, кажется, не люблю их. Я помогал им, деньгами и вообще... прятал кого-то и что-то. А ты помогал?

– Случалось, – осторожно ответил Клим.

– Зачем? Почему?

Самгин молча пожал плечами, чувствуя, что вопросы Макарова принимают все более неприятный характер. А тот продолжал:

– Потому что – авангард не побеждает, а погибает, как сказал Лютов? Наносит первый удар войскам врага и – погибает? Это – неверно. Во-первых – не всегда погибает, а лишь в случаях недостаточно умело подготовленной атаки, а во-вторых – удар-то все-таки наносит! Так вот, Самгин, мой вопрос: я не хочу гражданской войны, но помогал и, кажется, буду помогать людям, которые ее начинают. Тут у меня что-то неладно. Не согласен я с ними, не люблю, но, представь, – как будто уважаю и даже...

Он усмехнулся, щелкнул пальцами и продолжал:

– Ты – человек осведомленный в политике, скажи-ка...

Дверь широко открылась, вошла Алина. Самгин бросил окурки папиросы на пол и облегченно вздохнул, а Макаров сказал:

– Мы потом возобновим эту беседу... «Едва ли», – хотелось сказать Климу, но вместо этого он утвердительно кивнул головой.

– О чем? – спросила Алина, стирая с лица платком крупные капли пота.

– О политике, – сказал Макаров. – Вы бы сняли шубу, простудитесь!

Алина села у двери на стул, предварительно сбросив с него какие-то книги.

– Разве я вам мешаю? – спросила она, посмотрев на мужчин. – Я начала понимать политику, мне тоже хочется убить какого-нибудь... министра, что ли.

– Вам надо выспаться, – пробормотал Макаров, не глядя на нее, а она продолжала не торопясь, цедя слова сквозь зубы:

– Вот – пошли меня, Клим! Я – красивая, красивую к министру пропустят, а я его...

Вытянув руку, она щелкнула пальцами, – лицо ее оставалось все таким же окостеневшим. Макаров, согнувшись, снова закуривал, а Самгин, усмехаясь,

спросил:

– Ты думаешь, что это я посылаю людей убивать?

– Кто-то посылает, – ответила она, шумно вздохнув. – Вероятно – хладнокровные, а ты – хладнокровный. Ночью, там, – она махнула рукой куда-то вверх, – я вспомнила, как ты мне рассказывал про Игоря, как солдату хотелось зарубить его... Ты – все хорошо заметил, значит – хладнокровный!

Помолчав и накрывая голову шалью, она добавила потише, как бы для себя:

– Впрочем, это, может, оттого, что «у страха глаза велики» – хорошо видят. Ах, как я всех вас...

Взглянув на Макарова, она замолчала, а потом вполголоса:

– В Ялте, после одной пьяной ночи, я заплакала, пожаловалась: «Господи, зачем ты одарил меня красотой, а бросил в грязь!» Вроде этого кричала что-то. Тогда Игорь обнял меня и так... удивительно ласково сказал:

«Вот это – настоящий человеческий вопль!» Он иногда так говорил, как будто в нем черт прятался...

Последнее слово заглушил Лютов, отворив дверь.

– Ну что ж, готово, – сказал он очень унылым голосом. – Пойдемте.

Через час Самгин шагал рядом с ним по панели, а среди улицы за гробом шла Алина под руку с Макаровым; за ними – усатый человек, похожий на военного в отставке, небритый, точно в плюшевой маске на сизых щеках, с толстой палкой в руке, очень потертый; рядом с ним шагал, сунув руки в карманы рваного пиджака, наклоня голову без шапки, рослый парень, кудрявый и весь в каких-то театрально кудрявых лохмотьях; он все поплеывал сквозь зубы под ноги себе. Гроб торопливо несли два мужика в полушубках, оба, должно быть, только что из деревни: один – в серых растоптанных валенках, с котомкой на спине, другой – в лаптях и пестрядинных штанах, с черной заплатой на правом плече. В голове гроба – лысый толстый человек, одетый в два пальто, одно – летнее, длинное, а сверху него – коротенькое, по колена; в паре с ним – типичный московский мещанин, сухощавый, в поддевке, с растрепанной бородкой и головой яйцом. Шли они быстро и все четверо нелепо наклоняя вперед, точно телегу везли; усатый силло покрикивал на них:

– Эй, вы, – в ногу!..

На желтой крышке больничного гроба лежали два листа пальмы латании и еще какие-то ветки комнатных цветов; Алина – монументальная, в шубе, в тяжелой шали на плечах – шла, упираясь подбородком в грудь; ветер трепал ее каштановые волосы; она часто, резким жестом руки касалась гроба, точно толкая его вперед, и, спотыкаясь о камни мостовой, толкала Макарова; он шагал, глядя вверх и вдаль, его ботинки стучали по камням особенно отчетливо.

– Не дойдет, конечно, – ворчал Лютов, косясь на Алину.

Самгин готов был думать, что все это убожество нарочно подстроено Лютовым, – тусклый октябрьский день, холодный ветер, оловянное небо, шестеро убогих людей, жалкий гроб.

А через несколько минут он уже машинально соображал: «Бывшие люди», прославленные модным писателем и модным театром, несут на кладбище тело потомка старинной дворянской фамилии, убитого солдатами бессильного, бездарного царя». В этом было нечто и злорадное и возмущавшее.

«А что в этом – от ума? – спросил себя Климент. – Злорадство или возмущение?»

»

Лютов мешал ему. Он шел неровно, точно пьяный, – то забегал вперед Самгина, то отставал от него, но опередить Алину не решался, очевидно, боясь попасть ей на глаза. Шел и жалобно сеял быстренькие слова:

– Хороним с участием всех сословий. Уговаривал ломовика – отвези! «Ну вас, говорит, к богу, с покойниками!» И поп тоже – уголовное преступление, а? Скотина. Н-да, разыгрывается штука... сложная! Алина, конечно, не дойдет... Какое сердце, Самгин? Жестоко честное сердце у нее. Ты, сухарь, интеллектюэль, не можешь оценить. Не поймешь. Интеллектюэль, – словечко тоже! Эх вы... Тю...

– Перестань, – сказал Самгин, соображая, под каким предлогом удобнее отказать от дальнейшего путешествия по унылым, безлюдным переулкам.

– Брюсов, Валерий, сочиняет стихи:

...вас, кто меня уничтожит,

Встречаю приветственным гимном.

Врет! Боятся и ненавидят грядущих гуннов! И – не гимн, а – панихиду написал. Правда?

– Нет, – сердито сказал Самгин. – И вообще ты... – Он хотел сказать что-нибудь обидное Лютову, но пробормотал: – Я, кажется, простудился, прескверно чувствую себя. Пожалуй, мне следует...

Из переулка шумно вывалилось десятка два возбужденных и нетрезвых людей. Передовой, здоровый краснорожий парень в шапке с наушниками, в распахнутой лисьей шубе, надетой на рубаху без пояса, встал перед гробом, широко расставив ноги в длинных, выше колен, валенках, взмахнул руками так, что рубаха вздернулась, обнажив сильно выпуклый, масляно блестящий живот, и закричал визгливым, женским голосом:

– Стойте! Кого хороните? Какого злодея?

– Ну вот! – тоскливо вскричал Лютов. Притопывая на одном месте, он как бы собирался прыгнуть и в то же время, ощупывая себя руками, бормотал: – Ой, револьвер вынула, ах ты! Понимаешь? – шептал он, толкая Самгина: – У нее – револьвер!

Самгин понимал, что сейчас разыграется что-то безобразное, но все же приятно было видеть Лютова в судорогах страха, а Лютов был так испуган, что его косые беспокойные глаза выкатились, брови неестественно расплзлись к вискам. Он пытался сказать что-то людям, которые тесно окружили гроб, но только махал на них руками. Наблюдать за Лютовым не было времени, – вокруг гроба уже началось нечто жуткое, отчего у Самгина по спине поползла холодная дрожь.

Носильщики, поставив гроб на мостовую, смешались с толпой; усатый человек, перебежав на панель и прижимая палку к животу, поспешно уходил прочь; перед Алиной стоял кудрявый парень, отталкивая ее, а она колотила его кулаками по рукам; Макаров хватал ее за руки, вскрикивая:

– Прочь! Что вам надо?

Алина тоже что-то кричала, но голос ее заглушался визгом парня в лисьей шубе и криками его товарищей. Парень в шубе, болтая головою, встряхивая наушниками шапки, визжал:

– Почему без попа? Жида хороните, а? Опять жида? Бога обижаете? Нет, постойте! Вася – как надо?

Из-под левой руки его вынырнул тощий человек в женской ватной кофте,